

DOI: 10.33184/dokbsu-2019.4.12

Ядерные средства выражения побудительности в английском и башкирском языках

Г. В. Салимьянова

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: guzeliyaslmnv@gmail.com

В данной статье проводится исследование императива, как ядерной формы выражения волеизъявления на материале английского и башкирского языков. Статья содержит краткий обзор существующих подходов к исследованию категории побудительности. Автор приходит к выводу, что именно в императиве представлены дифференциальные признаки функционально-семантической категории побудительности. Сопоставительный анализ центральных средств выражения побуждения в английском и башкирском языках позволяет выявить общие и уникальные для каждого языка способы для реализации конкретного побудительного акта, что позволит избежать конфликтов в межкультурном общении.

Ключевые слова: побудительность, функционально-семантическое поле, императив, повелительное наклонение, речевое воздействие.

Категория побудительности, как одна из древнейших коммуникативных универсалий, представлена практически во всех языках, так как в ходе общения говорящий зачастую имеет своей целью побудить слушателя к действию. Другими словами, люди общаются не только с целью обмена информацией, но и с намерением «программировать» поведение адресата. Вопросы, связанные с неоднозначностью коммуникативной направленности, многокомпонентной структуры, способами выражения категории побудительности, до сих пор остаются недостаточно изученными, что объясняется многоплановым содержанием данного понятия. Вначале рассмотрим различные подходы к определению исследуемой категории.

Определение концепции функционально-семантической сущности побудительности основывается на исследованиях таких лингвистов, как А. В. Бондарко, А. П. Володин, В. С. Храковский, Т. В. Булыгин, А. Д. Шмелев, Л. А. Бирюлин и др. Бондарко определяет побудительность как функционально-семантическую категорию, представленную комплексом разноуровневых лингвистических средств выражения, имеющих общую побудительную семантику [1].

Содержание данной категории, исходя из положений функциональной грамматики, трактуют как функционально-семантическое поле. Центром (ядром) функционально-

семантической категории побудительности является повелительное наклонение, так как оно однозначно передает значение побудительности. Вокруг ядра побудительности находятся «периферийные» формы. Данные средства, входящие в «периферийные» поля не существуют изолированно друг от друга, а посредством пересечений формируют непрерывную структуру поля побудительности. Следует отметить, что некоторые ученые не относят императив к формам наклонения, т.е. «не входит в оппозицию «индикатив / конъюнктив / императив», а связан с коммуникативной рамкой (т. е. входит в оппозицию «повествование / вопрос / повеление»)» [2].

Разные исследователи-слависты относят к центру и к периферии различное количество конструкций, т.е. состав императивной парадигмы и статус повелительных форм варьируется. Так, А. Николова утверждает, что полевая иерархическая модель имеет неопределимое значение «только для установления конститuentов поля в потенции [3, с. 53]. Реальное функционирование побудительных конструкций в текстах показывает, что в различных стилевых типах текстов центр поля занимают инфинитивные предложения, инклюзив, безглагольные конструкции и др., а не формы повелительного наклонения.

Нельзя не согласиться с мнением таких лингвистов как Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, что существование определенных сложностей в систематизации форм побудительности обусловлена тем, что не существует четкой разницы между «языковыми конвенциями» и «конвенциями употребления», а также невозможно охватить все конструкции, которые в тех или иных контекстах могут наделяться иллокуцией побуждения. [4, с. 31].

В работах А. И. Изотова анализируется категория побудительности в чешском и русском языках. Автор, исследуя фактический материал, отмечает наличие «четко выраженного несоответствия функционально-семантических категорий побудительности в сопоставляемых языках» [5, с. 171]. Он определяет подтипы побуждения как «локальные сгущения», которые представляют собой микрополя с ядром, в котором побудительная конструкция проявляется «конвенционализованной» для данного языка формой, и периферией, к которой относятся разнообразные контекстуальные средства побуждения [5]. Различные семантические оттенки категории побудительности реализуются при помощи разнообразных средств выражения.

В исследовании Г. И. Петровой [6, с. 135–143], побудительность анализируется как модальность на материале французского языка, т.е. является частью общей системы модальности, соотносясь с другими частями как возможность, необходимость, желательность (оптативность) и долженствование. Данные подвиды модальности существуют не изолированно, а частично пересекаются.

Среди современных исследований, посвященных категории побудительности, можно также выделить работу К. С. Неустроева [7]. Он считает, что функционально-семанти-

ческое поле побудительности представляет из себя микрополе директивной модальности (волеизъявления), а также модальности желательности (волитативной модальности) и комиссивной модальности. Соответственно, средства, реализующие комиссивную и волитативную модальности, могут косвенным образом служить выражению побуждения и воздействия. Исходя из этого, категория побудительности рассматривается автором как одна из составляющих категории модальности – функционально-семантической категории, которая представляет собой систему разнородных языковых средств, взаимодействующих на основе общности их семантических функций.

С категорией побудительности тесно связана специфика понятия побуждения. В исследовании М. Г. Безяевой побуждение трактуется как «выражение желания говорящего каузировать действие при наличии его (непосредственного) исполнителя, (...) с целью изменения ситуации» [8, с. 12]. В данном определении упор делается, в основном, на коммуникативную функцию языка. В данном случае побудительность рассматривается с точки зрения теории речевых актов. В прагматическом ракурсе побуждение трактуется как разновидность директивного речевого акта. При сопоставлении с побуждением, понятие «побудительность» имеет более широкий смысл. Оно воспринимается как характерная особенность людей и других явлений действительности каузировать совершение действия. Побудительность в данном ключе означает волеизъявление, направленное на адресата, и которое может иметь различные оттенки (суггестивный, реквестивный, инвитивный и т.п.) [9].

Таким образом, категория побудительности рассматривалась с точки зрения функционально-семантического и прагматического подходов. В данном исследовании акцент ставится на полевой природе категории побудительности, которая допускает различные варианты своего структурирования. Большинство исследователей рассматривают ее как функционально-семантическую категорию с полевым принципом формирования разноуровневых языковых средств побудительной семантики. Рассмотрим более подробно ядерные средства выражения побуждения в исследуемых языках.

Центром функционально-семантической категории побудительности является повелительное наклонение (императив 2-ого лица ед. и мн. числа), что может быть обусловлено семантической однозначностью, регулярностью употребления и относительной независимостью от контекста. [10, с. 220]. Впрочем, термины повелительное наклонение и императив не всегда четко дифференцируются. А. В. Исаченко уточняет взаимоотношения этих терминов: «повелительное наклонение может выражаться не только императивом, но и другими глагольными формами, а также другими частями речи» [11, с. 7]. В целом, императив и повелительное наклонение трактуются как соотношение более узкого и широкого понятий, а также соответственно формы и значения. В морфологическом отношении в отличие от изъявительного и сослагательного наклонений императив представлен ограниченным набором грамматических форм,

однако имеет «богатый спектр более конкретных семантических признаков от грубого окрика-приказа до мольбы и деликатной, мягкой просьбы, переходящей в пожелание в мягкой и дипломатической форме» [12]. В данной статье ставится целью отразить грамматические формы императива в исследуемых языках.

Форма 1-ого лица ед. числа императива в английском языке представлена или инфинитивом (без частицы *to*) – *Come here* или аналитической формой, в состав в которой входит каузативный глагол *to let* (позволять, разрешать) и местоимение 1-ого лица ед. числа: *Let me say*. В башкирском языке императивные форма 2-ого лица единственного числа выражается нулевой основой (Кил бында), а форма множественного числа имеет аффиксы ығыз/егез (Килегез – Приходите). К разновидностям императива в английском языке можно отнести также императивные формы 1-ого лица мн. числа: *Let us come here*. (73) “Let’s get a breath of air,” Scobie suggested. “Take your glasses with you.” [14, с. 187]

В башкирском языке в силу его агглютинативного характера этому значению соответствует инклюзив (Барайык/Давайте пойдём). – Әйзә, йокоң килмәһә, *инайек*. Бәләкәс кенә байрамым миңең бөгөн, – тине. [15, с. 195] (– Давай, если тебя ко сну не клонит, *зайдем* ко мне. У меня сегодня маленький праздник.)

Форма 1-ого лица ед. числа в башкирском языке относится к желательному наклонению. Термин «желательное наклонение» сохраняется как перевод с латинского *optativus* [13, с. 165]. Специфика этого наклонения состоит в том, что говорящий передает свое субъективное отношение к такому факту, который по существу еще не произошёл, а только может произойти. Этот субъективизм может иметь различную окраску: желание, сомнение, колебание и т. д. Все эти субъективные чувства башкирская грамматика условно объединяет под одним термином «желательный». Таким образом, форма алайым переводится так: «возьму-ка я, взять бы мне, дай-ка возьму», алайык переводится: «взять бы нам, давайте возьмем». Поскольку в последней форме (именно множественного числа, а не единственного) заключен призыв к окружающим, ее можно трактовать как своего рода повелительную конструкцию (по смыслу, но не по форме) [13, с. 166].

В парадигму императива в обоих языках входят и формы 3-его лица ед. и мн. числа (при выражении переноса каузации на лицо, не участвующее непосредственно в коммуникативном побудительном акте); *Let her/him/them come in* // Килһен/Килһендәр//Пусть придет/Пусть придут.

К ядерным императивным конструкциям в английском языке также относятся императив + местоимение второго лица (*You stay here!*) и вспомогательный глагол *do* в отрицательной форме (*Don’t you try to pay for this!*). В башкирском языке личные местоимения при повелительном наклонении встречаются редко: там они возможны только

при наличии сильного логического акцента: Ёин ал (ты бери!). Эмфатические императивы выражаются по-разному: в английском языке при помощи усилительного глагола *do*, в башкирском языке при помощи частицы *инде*, *эле*, частиц *-сы* / *-се*:

– Ёуң, тукта, һөйләп *бөтһәңсе*. Сәй эсеп китер инең. [16, с. 178] (– Да постой, расскажи как следует. Зашел бы, чаю попил.)

Итак, мы рассмотрели центральные средства выражения побудительности в английском и башкирском языках. К ним относятся: Императивные формы 2 лица ед. и мн. числа, 3 лица ед. и мн. числа, 1 лица ед. и мн. числа (в английском языке), 1 лица мн. числа (в башкирском языке). Исторически форма 1 лица ед. ч. в башкирском языке относится к желательному наклонению и не включается в парадигму повелительного наклонения. В обоих языках формы 2 лица ед. числа совпадают, так как имеют нулевую основу.

Как видно из нашего исследования, категория побудительности в английском и башкирском языках весьма многоаспектна. Ядерные способы выражения побуждения в обоих языках включают разнообразные императивные конструкции, знание которых является важным компонентом коммуникативной культуры человека.

Литература

1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1993. 208 с.
2. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986. 270с.
3. Николова А. Речевые тактики говорящего в побудительных высказываниях. Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры. Материалы региональной научной конференции. Чебоксары: Чувашский гос.ун-т, 2000. т. 2. С. 9–19.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира: На материале русской грамматики. М., 1997. 574 с.
5. Изотов А. И. Семантическая карта императивности (на материале чешского и русского языков). М., 1998. 112 с.
6. Петрова Г. И. Семантические дифференциальные признаки побудительной модальности (на материале французского языка) // Материалы Всероссийской научной конференции. СПб.: Наука, 2002. С. 134–143.
7. Неустроев К. С. Способы выражения побуждения и воздействия: на материале современного английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук: Ростов-на-Дону, 2008. 185 с.
8. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. 751 с.
9. Азнабаева Л. А., Салимьянова Г. В. Речеактовое оформление инвитивной побудительности в ситуации гостеприимства (на материале английского языка). Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №1. С. 260–264.

10. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 218 с.
11. Исаченко А. В. К вопросу об императиве в русском языке // РЯШ, №6. 1957. С. 7–14.
12. Мурясов Р. З. Императив в разноструктурных языках в контрастивно-типологическом плане. Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. №2. С. 369–375.
13. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 275 с.
14. Greene G. *The Heart of the Matter*. London: Penguin books, 1962. 264 p.
15. Хәкимов Ә. Кош юлы. Ике роман. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1989. 448 б.
16. Солтангәрәев Р. Оло юлдың тузаны. Һайланма әсәрзәр. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1995. 544 б.

Статья рекомендована к печати кафедрой лингводидактики и переводоведения Башкирского Государственного университета (д-р. фил. наук, проф. Е. А. Морозкина)

Nuclear means of expression of inducement in the English and Bashkir languages

G. V. Salimyanova

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

This article highlights the imperative as a nuclear form of expression of will on the material of English and Bashkir languages. The article provides a brief overview of existing approaches to the study of the category of inducement. The author comes to the conclusion that it is in the imperative that the differential features of the category of inducement are presented. The comparative analysis of the basic means of expression of inducement in English and Bashkir languages allows identifying common and unique ways for each language in order to perform a specific act of inducement, which will permit the speaker to avoid conflicts in intercultural communication.

Keywords: inducement, functional and semantic field, imperative form of the verb, imperative mood, speech impact.